

Храмы земли Псковской

И. И. Лагунин

Храм Святого Спаса в усадьбе Волышово

Цветная рождественская почтовая карточка от 22 декабря 1906 г. привлекла не изображением галантной сценки с изящными дамой и кавалером, гуляющими в парке. На карточке штемпель отделения почтово-телеграфной конторы «*Волышово, Псков г.*». Некая девушка по имени А. Лайвин написала короткое письмо в Лифляндию молодому человеку Виктору Анжеевичу Маршану, где коротко описывает последние события, которые происходили, очевидно, в той же усадьбе Волышово в беспокойное время первой русской революции 1905 г. Новогодние праздники не планировались: «...*На праздник веселья у нас не будет. Но зато после праздника будет весело. Сестра выходит замуж за М. Д. Голицына...*». Конечно, после венчания, которое могло происходить в усадебном храме Святого Спаса. Ведь в Волышове, за отъездом графа С. А. Строганова за границу, общество собиралось, проходили охоты, жизнь шла своим чередом.

Историей храма в составе волышовской усадьбы начал заниматься в студенческие годы, при написании курсовой работы. Тогда ещё никаких публикаций о Волышове не было и о роскошной усадьбе мало кому было известно. Обращался к архитектору-реставратору Б. С. Скобельцыну, который вёл в Волышове реставрационные работы, но тогда ещё и он мало чем мог помочь. Пришлось вести поиски в Публичной библиотеке и центральных архивах, где впервые встретился с фондами Васильчиковых и Строгановых. По мере возможности, продолжал поиски и позднее, когда Волышово стало постепенно приходить в упадок. Проблема спасения во-

лышовской усадьбы стала привлекать всё большее внимание. Но масштабы памятника, который составляют десятки архитектурных объектов и парковый ансамбль, не позволяли их разрешить обычными средствами. В 1980-е гг., после освобождения главного дома от школы была попытка отреставрировать графский дом. В 1985 г. 4-я псковская мастерская института проводила научно-проектное исследование по дому, в ходе которого привлечены архивные материалы (искусствовед О. В. Емелина), которые с трудом поддавались расшифровке. Многие вопросы оставались открытыми. Не закрыты они и сегодня, после широких исследований, предпринятых Гендирекцией «Псковреконструкция» в начале 1990-х, с целью комплексного возрождения усадьбы. По заказу дирекции московским институтом «Спецпроектреставрация» были проведены широкие предварительные исследования. Однако государственное финансирование вскоре прекратилось. Не помогло привлечение московского инвестора, который просто сбежал в самом начале восстановительных работ. Единственным результатом, помимо проекта зон охраны, предварительных исследований по всем объектам усадьбы и нескольких проектов, стало осуществление территории центрального ядра усадьбы, куда входил и храм Святого Спаса, один из первоочередных объектов реставрации, на котором был произведён поддерживающий ремонт. Поводом для сообщения послужила новая попытка возрождения церкви Святого Спаса и новая записка к проекту реставрации архитектора Г. В. Тютюнниковой (2014 г.), подготовленная автором.

Результатом историко-архитектурных исследований Волышовской усадьбы и Спасской церкви стало широкое изучение об-

Лагунин Игорь Иванович — искусствовед-архитектор (г. Псков).

ширных архивных фондов Васильчиковых и Строгановых, выборка известий, касающихся строительства и архитектуры, привлечение аналогов и материалов ГАПО, в т. ч. по истории храма, которому посвящена специальная историческая записка кандидата архитектуры А. Г. Борис (институт «Спецпроектреставрация», 1991 г.).¹ Собранные исследователями и автором материалы позволяют представить себе историю волышовской церкви, однако сам характер архивных материалов — отрывочной деловой переписки и отдельных упоминаний², — оставляет по-прежнему немало вопросов по истории строительства и перестроек здания ампиричного каменного храма.³ Материалы ГАПО, как отмечает автор записки 1991 г., краткие и исчерпываются несколькими, хотя и существенными фактами. О строительстве, как таковом, в клировых ведомостях сообщений не содержится. Некоторые выводы А. Г. Борис уточняются в записке автора, но и они не претендуют на окончательные выводы. К сожалению, не помогает и замечательная книга В. Г. Проскуряковой «Волышовская старина», посвящённая преимущественно заключительному периоду в жизни усадьбы, которая повествует о жизни уже сложившейся усадьбы, архитектурный ансамбль которой в заключительный период, практически, не изменялся. Даже датировка памятника «1820 год» устанавливается ориентировочно, на основании сопоставления упоминаний деревянного (1819 и 1820 гг.)⁴ и каменного (1821 г.) храма в клировых ведомостях. Авторам приходится использовать косвенные источники и аналоги. Более подробно документирована история появления домово́й церкви.

Предистория каменного храма. Домовая церковь. 1803–1820 гг. Здание церкви Святого Спаса входит в центральное ядро строений усадьбы Васильчиковых-Строгановых Волышово и является в составе усадьбы объектом культурного наследия федерального значения. В нач. XIX века в права наследства богатым порховским имением дворян Овцыных Волышово вступила семья В. А. и Е. И. Васильчиковых. Екатерина Илларионовна Васильчикова (Овцына) после замужества, как хозяйка лично обустроивала родовую усадьбу мужа Выбити в устье реки Шелони.

Она же была инициатором устройства домового храма в Волышово. В 1800 г. «сельцо Волышово Василия Алексеевича Васильчикова» состояло в приходе Бельского Устья, который незадолго до того был учреждён при новом каменном храме помещиками Кожиными, соседями Васильчиковых, в их собственном имении. Оба имения ещё недавно принадлежали к обширному Карачуницкому приходу. На 1800 год в усадьбе Волышово числилось всего 4 мужчины и 4 женщины, и здесь «помещики жительства не имели».⁵ Ни храма, ни часовни в усадьбе не было. После кончины Т. Д. Овцыной, хозяйки и матери Екатерины Илларионовны, в замужестве Васильчиковой родители будущих героев Отечественной войны 1812 года решили перебраться из Выбити в порховскую вотчину. По традиции и по своему характеру Екатерина Илларионовна и здесь решила все обустроить. Перемены наметились около 1803 г., когда семья вступила в наследство Волышовым. Можно с полной уверенностью предположить, что усадьбу Выбити родители оставили для взрослого, женатого и уже именитого сына Иллариона Васильевича и его семьи. Возможно также, что Волышово уже тогда, на будущее предназначали в наследство второму сыну Дмитрию Васильевичу, который потом по-настоящему и обустроил нашу усадьбу.

Постоянное проживание в Волышово потребовало известного обустройства. Мы предполагаем, что первым был выстроен новый современный деревянный помещичий дом с мезонином (времени на строительство с 1800 по 1803 гг. как раз для этого было достаточно, а старый едва ли отвечал запросам нового, хотя и немолодого поколения). Необходимость удовлетворения насущных нужд по духовной части уже немолодой хозяйки требовала определённых усилий. Это было связано с регулярным посещением ближайшего храма Вознесения Господня в погосте Бельское Устье на другом берегу Шелони (и в соседском имении). Самой историей три достопримечательных места Порховского уезда — Волышово, Бельское Устье и Холонки — тесно связаны между собой. Храм находился недалеко, всего в 6 верстах и даже в пределах видимости, но для того, чтобы попасть к нему, надо было переезжать реку Шелонь и

Церковь Святого Спаса. Фото В. Г. Проскурякова. Нач. XX в.

Интерьер. Фото В. Г. Проскурякова. Нач. XX в.

два ручья. А это уже немалое неудобство. В половодье сообщение вообще надолго прерывалось. По крайней мере, такие аргументы приводились для получения разрешения на устройство собственного усадебного домового храма. А возможно, те же Кожины подали пример устройства собственного вотчинного храма. Весной 1803-го года, во время очередного половодья последовали соответствующие хлопоты, и разрешение на устройство домового церкви было получено⁶.

Документальные сведения о домового церкви — единственный источник информации о готовящемся переезде Васильчиковых в Вольшово. Зная о больших строительных работах, которые вела Екатерина Илларионовна в Выбити, нетрудно себе представить, что устройством домового церкви в новом помещичьем доме хозяйка руководила сама. Господские усадебные дома нередко перестраивались со сменой поколений, перестраивался многократно и дом в Выбити. Согласно Указа Святейшего Синода преосвященному Иринею, архиепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому в апреле 1803 г. последовало разрешение Екатерине Ларионовне, жене бригадира Васильчикова на устройство в Вольшове домового церкви по причине неудобства и опасности проезда в погост Бельское Устье. В соответствии с Указами от 12 апреля 1722 и 5 октября 1723 гг., церковь во имя Всемилового Спаса, с подвижным антиминсом и отправлением богослужений священником погоста Карачуницы, разрешено было устроить «в удобном к тому покое, а не особо», и чтобы в соответствии с теми же указами — «верх того покоя от прочих... никакого не имел отличия...».⁷

Приведённое прошение — прямое свидетельство о готовности к переезду. Более конкретно в документах 1803 и 1816 гг., где упоминается домовый храм, не говорится. В каком помещении и как он был устроен мы не знаем. В документе 1816 г. о храме просто указано: «...состоит в селе Вольшове упомятой помещицы в дому...».⁸ Можно только предполагать, что он был устроен в северо-восточном крыле дома, к которому впоследствии пристроили существующую каменную церковь. Снаружи он никак не выделялся, а внутри было нетрудно приспособить одно из

помещений. Напомним, что усадьба предназначалась для проживания уже немолодых родителей, а главной в семействе Васильчиковых по-прежнему оставалась усадьба Выбити, которая перешла к старшему сыну.

Строительство каменной домового церкви при господском доме (ок. 1820 г.). Под 1821 годом в документах Псковской духовной консистории впервые упоминается самостоятельный каменный храм: «...Церковь Всемилового Спаса, дозволенная устроить в 1803 году... в селе Вольшово..., в связи при том же доме, каменная...».⁹ Это первое прямое подтверждение изменений в обустройстве бывшего дворянского гнезда Овцыных-Васильчиковых, как одной из главных усадеб семейства в вольшовской вотчине. После строительства каменной церкви усадьба могла бы именоваться селом, но храм оставался домового церковью. Вопрос о статусе храма и причинах его строительства оказывается не таким уж простым и ясным. Епархиальные документы специального разрешения на каменное строительство не упоминают. Васильчиковы стали достаточно именитыми помещиками, которые могли бы позволить себе некоторую вольность, но это, скорее всего, нашло бы отражение в документах. По выданному разрешению церковь после кончины хозяйки должна быть вообще упразднена. Очевидно, существовало соглашение с епархией, которая посмотрела благожелательно на строительство каменного храма, как на благотворительность по отношению к своей церкви. В Клировой ведомости 1824 г. на этот счёт есть интересная для нас информация о том, что церковь «утварию довольна», но «...По смерти ж означенной строительницы Васильчиковой по условию ея оная домовая церковь поступит в приходскую Карачуницкого погоста Николаевскую церковь...». В 1827 г. была составлена и епархиальная опись церковному имуществу, которая в 1867 г. ещё хранилась в целости.¹⁰

Таким образом, строительство велось для будущей приписной церкви Карачуницкого прихода, в которой богослужения по-прежнему проводили священники этого погоста. Семейной усыпальницей храм быть не мог, ибо такая усыпальница и церковь уже существовали поблизости от родовой усадь-

бы Выбити в Струпинском погосте Новгородского уезда, в устье Шелони, где всех Васильчиковых и хоронили. Там в Никольском приделе на 78-м году жизни была похоронена и сама Е. И. Васильчикова (30.11.1832 г.). А устные, вызывающие сомнение рассказы о том, что к востоку от храма в Вольшово был склеп, были проверены реставраторами в нач. 1990-х и пока не получили подтверждения. Тем не менее, строительство каменной церкви Св. Спаса Всемилостивого стало важнейшим событием именно в развитии вольшовского усадебного ансамбля. После Отечественной войны 1812 г., в которой три сына (и второй сын Д. В. Васильчиков, получивший звание бригадного генерала, в том числе) отличились и стали героями, в положении семейства наметились большие изменения. Двое сыновей стали генералами. Дмитрий Васильевич готовился к отставке и переходу на гражданскую службу при дворе. Нетрудно предположить, что в семействе думали и о его будущем. Поэтому дальнейшие работы по устройству Вольшова находят вполне естественное объяснение.

По статусу домового храма каменное здание поначалу примыкало к господскому дому, как его северо-восточное крыло. Но одновременно оно начинает служить всё более важной доминантой в усадебном ансамбле со стороны главного подъезда от столбовой дороги. Старейшая липовая аллея, которая шла параллельно старой границе усадьбы и новой подъездной аллее от столбовой дороги, проходила мимо нового храма к центральному кругу перед главным домом, делая храм одним из новых важнейших элементов ансамбля. По нашему мнению, каменный храм примыкал к С-В крылу деревянного господского дома просто сбоку¹¹. Их взаимоотношение можно определить, с учётом последующей передвижки господского дома в ноябре 1838 г. «на пять сажен под гору в сад».¹² На основании нового анализа копии межевого (1853 г.) и современного планов усадьбы, можно считать, что дом стоял примерно в линию с каменным храмом, который, фактически, стал его боковым флигелем, либо дом даже несколько отступал (при уточнении местоположения следует учесть, что старый дом с мезонином, скорее всего, не имел вы-

ступающих крыльев). Существующий дом по документам стоит на том же месте, что и передвинутый. Все последующие перестройки происходили на одном месте. Об этом свидетельствует и композиция центрального ядра усадьбы с портиком в центре. Дом впоследствии был расширен, но в другую сторону от церкви. Во всяком случае, примыкание подразумевает, что господский дом изначально сообщался с церковью проёмом либо переходом. Следует также напомнить, что постановка церковного здания соответствует той композиции усадьбы, которая существовала до второй половины 1830-х гг.

Из всего вышеизложенного следует искать следы возможного примыкания, либо перехода между домом и храмом. А также следы возможных перестроек с южной и восточной стороны (с учётом более поздней алтарной пристройки, которая могла эти следы уничтожить). Похоже, что дом до 1838 г. подходил к храму по линии примыкания новой алтарной пристройки к основному четверику и восточной колонны бокового портика.

Отдельно стоящее здание приписного каменного храма (перестройки 1836–1850-е гг.). После кончины В. А. и Е. И. Васильчиковых усадьба переходит к её главному преобразователю — Дмитрию Васильевичу Васильчикову, у которого по характеру придворной службы егермейстером были большие планы по её устройству. Статус церкви после кончины её хозяйки, очевидно, также беспокоил нового именитого владельца. В планах переустройства усадебного комплекса церковь Святого Спаса занимала уже немаловажное место. Естественным выглядит желание нового владельца сохранить храм за именем. Получить разрешение на самостоятельную церковь с клиром значило взять на себя обязанности по её содержанию, устройству причта и наделению его землей. Проблема создавалась немалая. Это требовало немалых затрат и неудобств для владельца частной усадьбы (что, например, имело место в том же Бельском Устье и было связано с определёнными конфликтами между владельцами усадьбы и одним из священников, который получил новый приход и пожелал продать причтовый дом, построенный и выделенный помещиком). Васильчиковы не были

избыточно богаты. Попытка завести свой приход состоялась в 1841 г. после посещения усадьбы и церкви великой княгиней Еленой Павловной. Управляющий Д. В. Васильчикова нашёл в Порхове старичка-священника, который за небольшую плату согласился вместе с дьячком жить в Вошьшове и проводить богослужения¹³. Как долго продолжалось самостоятельное служение храма, неизвестно. Но не позднее 1847 г., когда Васильчиковы смогли, наконец, узаконить самостоятельное церковное здание домового храма в центральной усадьбе. В этом году Д. В. Васильчиков завершил строительство новой приходской церкви в своей вотчине в селе Токарево, в ближайшем соседстве с Вошьшовым. По определению Святейшего Синода усадебная церковь в Вошьшове от Карачуницкого погоста была приписана к Токаревскому храму. Положение полностью благоустроенного помещичьего храма в вошьшовском имении было закреплено официально.

Но самостоятельным зданием каменный храм Святого Спаса стал не сразу. В документах о перестройке дома 1838–44 гг. говорится о том, что господский дом передвинут на 5 сажен вниз, в сад и стал «обширен». Серия современных этому сообщению ремонтных работ в церкви, на наш взгляд, подтверждает передвижку дома и крупные изменения в усадебном ансамбле. В «Записках» А. Г. Борис приведено послание управляющего 1841 г.: «...*План церкви получил, по которому и приступаю к работе...*». К сожалению, послание краткое, деловое и не разъясняет характер работ и что понимается под «планом». По другим документам (ранее и потом) речь идёт преимущественно об иконостасе и убранстве храма. Тем не менее, вполне можно предполагать, что новый план церкви подразумевал не только внутреннее убранство. Дом отодвинулся, взаимосвязь двух зданий изменилась. Возможно строительство нового перехода, изменение алтарной части. Следует также обратить внимание на тот факт, что существующая классическая композиция храма с обступающими портиками, плоским купольным перекрытием ближе всего к проектам периода позднего классицизма. А. Г. Борис приводит типовой проект парковой беседки¹⁴ и примеры цер-

ковных зданий, которые не выходят за рамки к 1830–40-х гг. XIX века¹⁵. Всё это подразумевает, что образное решение каменной церкви могло быть несколько изменено. В целом следует отметить, что вошьшовский храм представляет собой особый тип домового усадебного храма павильонного, усадебного характера, типичный для позднего классицизма. Особенно это видно (и это необходимо подчеркнуть) в сочетании с бельведером центрального круга, который не только близок архитектуре храма, но и датируется тем же периодом перестроек. А. Г. Борис считает, что храм в существующем виде принадлежит 1820-м гг. По её мнению, это подтверждается сохранившимися остатками живописи во внутреннем убранстве, которые были исследованы реставраторами и датированы первой третью XIX в.¹⁶ Перестройки, которые могли касаться изменений в самом облике усадебной церкви всё же пока нельзя исключить полностью. Прояснить ситуацию могут только натурные наблюдения и поиск возможных следов примыкания храма к помещичьему дому.

Для датировки обновлённого храма есть и другие аргументы. Важные последствия для композиции комплекса, в котором ответственное место занимал Спасский храм, имело приобретение чихачевского сельца Дорогини. 1841-м годом в фонде документов Васильчиковых датирована «*Расписка Чихачева в получении задатка за проданное князю Васильчикову Дмитрию Васильевичу имение*»¹⁷. Скорее всего, речь в этой расписке идёт о приобретении имения Дорогини, земли которого граничили с вошьшовскими (на 1854 г. по документам оно именуется пустошью). Для ансамбля это означало организацию новой мощной поперечно директрисы в направлении Дорогинь и большого тракта, существующее и поныне. Отныне (или несколько раньше) это направление закрепляется прямой въездной аллеей от столбовой дороги (параллельной старой липовой аллее, которая проходила непосредственно возле церкви). И не только. В 1836–38 гг. упоминается домик садовника, поставленный близ церкви¹⁸. В этом сообщении речь идёт об устройстве «тротуара из плиты» — дорожки, которая не найдена реставраторами,

но проходила раньше от въезда в усадьбу к ее центру параллельно въездной и липовой аллее (между последней и храмом).¹⁹ Такое мощение есть также на стилобате храма, что может косвенно свидетельствовать о времени замощения.

Работы по благоустройству каменного храма продолжались в течение нескольких лет. В 1842 г. были присланы «*Образ в золоченой раме, плащаница с убранством, 4 церковных позолоченных подсвечника, 1 подсвечник церковный старый, 21 деревянных шандалов...*».²⁰ В 1844–45 гг. в документах (в письмах управляющего А. Пустодомова) убранству усадебной церкви вновь уделено большое внимание. Она была заново отделана (побелка, покраска) и получила новое внутреннее оформление.²¹ О росписях, следы которых сохранились под слоем поздних покрасок, новых сообщений нет.²² А. Г. Борис сообщает, что по письмам видно, что на стороне был изготовлен новый иконостас, но где именно и по какому проекту, неизвестно. В переписке 1844 года²³, в феврале речь идет о присылке образов от токаревского живописца (Николая) для новых царских дверей, получении и украшении самих царских дверей, отдельных деталей к ним (петли, стекла). О привозе в Вольшово каретным ходом и получении нового иконостаса (взамен старого). Таким образом, можно говорить о серьезных преобразованиях. В марте того же года речь идет о приглашении из Пскова («здесь в Порхове не имеется») позолотчиков для золочения карнизов («менее семисот рублей ассигнациями с его золотом не берется»). Поскольку сам иконостас уже открашен белилами, «...карнизы, где будут золотиться, заготавливаю новые...», — пишет управляющий хозяину.

В апреле управляющий просит прислать позолотчика через месяц, поскольку «столярная работа будет готова». В мае позолотчик действительно приехал и принялся за работу. 18 июня получены ризы со всеми принадлежностями. Июль: «Позолотчик, кончив церковную работу..., при сем отправлен... Занавеса к царским вратам старая коротка. Царские двери вышиною 4 аршина, шириною 2 аршина шириною 2 аршина $\frac{3}{4}$ четверти».

Все это позволило управляющему в 1845 г. написать: «...Церковь с новым коностасом совсем в другом виде, гораздо лучше. Царские двери сквозные. Посылаю образчик новой занавесы, которая в четыре полотнища шириной 11 вершков полотнищу»²⁴. Иконостас был «крашен масляною краскою», карнизы и рамы икон позолочены.²⁵ Упомянуты новые иконы для иконостаса, которые писал токаревский живописец Николай (умер в январе 1845 г.).²⁶ Февраль: «*Рамы отправлены в Петербург для золочения...*». «*Рамы для местных образов получены, которые при первой оказии отправлю к вам обратно или буду ожидать еще вашего приказания, потому что рамы очень велики и широки, поелику закрывают часть же описи образов и закрывают рамы, как в иконостасе, почему сняв меру с образов к вам отправляю. Но если изволите делать другие рамы, то нужно делать рамы не шире тех рам, кои отправлены к вам, дабы не закрывали рам киотных*». И далее: «*Рамы на местные образа при сем посылаю, о коих я вам доносил, что они по местным образам велики, и при сем посылаю доску, меры местных образов, которая точно образы выпилена, ширина и толщина образов, как есть доска...*». «*Рамы церковные вызолочены, получены в исправности*». Таким образом, иконное убранство храма получило завершение далеко не сразу. Здесь следует обратить внимание на новые «сквозные» царские врата иконостаса. Не говорит ли это о расширении алтаря после перестройки церковного здания в отдельно стоящее?

1848 г. «*При сем приложена смета на оштукатурку снаружи Вольшовской церкви, составленная штукатуром Иваном Яковлевым, крестьянином 2-жи Непениной*». «*Для оштукатурки снаружи церкви в Вольшове был призван из Порхова подрядчик Андрей Николаев Голубев...*». «...нужно будет окрасить крышу на церкви...». «...При осмотре в церкви под полом оказалось, что балки гнилы. Балки нужно иметь длиною по 4 сажени. Перемена балок не касается алтаря...». Подтверждение того, что в алтаре работы по обновлению производились ранее.

1851 г. «*Прежде постановки Иконостасов следует как можно лучше ошту-*

катуричь внутренность церкви, и когда штукатурка высохнет и хорошо отбелится, тогда только можно будет приняться за штукатурку иконостасов. Иметь в виду, что прежде штукатурки сделать прочнее трещины в стенах и связать их железом». Украшение собственной усадебной церкви велось неспешно, хозяйственным способом и растянулось более чем на десятилетие. Но зато выполнялось тщательно, с устранением всех погрешностей, которые, в основном, были связаны с тем, что оборудование выполнялось на стороне и требовало подгонки по месту. Наконец, в 1855 г. Дмитрий Васильевич пишет управляющему: «Посылаю тебе два образа, коих ты приберёшь к царским дверям внизу тех, какие уже существуют»²⁷. Как это видно на фотографии нач. XX в. В. Г. Проскурякова, в царских дверях было 6 образов. Очевидно, поначалу было изготовлено по традиции только четыре.

Храм Святого Спаса получил завершение в существующем виде (за исключением новой алтарной части). Наиболее серьёзные ремонтные работы этого строительного периода относятся к 1848–51 гг. Осенью 1848 г. управляющий имением сообщил Д. В. Васильчикову: «для вошьшовской церкви балки будут доставлены из Гостибицкой дачи»²⁸. А в 1851 г.: «в вошьшовской церкви в ризнице и маленной полы перестлали и балки переменили»²⁹. Через 30 лет после построения каменного храма полы и балки, вполне естественно, могли подлежать замене. Но следует обратить внимание на то, что упоминаются только два помещения в храме — основное («моленная», четверик) и «ризница». Не упоминается алтарь, который обязательно существовал в это время. Может быть, это и есть разъяснение для того «плана церкви» 1841 г.? Тогда, в связи с передвижкой дома и был перестроен алтарь, возможно, устроен новый переход в дом. Под 1854 г. по документам в господском доме были заложены две двери, из которых одна переделана в окно...»³⁰. Очевидно, речь идёт о наружных дверях, которые нельзя здесь не упомянуть, потому что нельзя исключить полностью, что это были двери перехода.

Новые ремонты 1860–80-х гг. (Строгановы). Только последнее сохранившееся

сообщение клировых ведомостей 1860 г. говорит конкретно о том, что теплая каменная церковь в Вошьшове «находится отдельно от дома».³¹ А. Г. Борис в своей записке склонялась к тому, что именно в это время храм «оторван» от дома при большой перестройке последнего по проекту архитектора М. А. Макарова. Хотя и отмечает, что ведомости за 1844–59 гг. просто отсутствуют. М. А. Макаров (1829–1873), академик архитектуры, получивший это звание в 1859 году и в том же году начавший работать в Опекуновском совете³². Именно там, по роду службы он, скорее всего, познакомился с Д. В. Васильчиковым и получил от него или его зятя заказ на перестройку вошьшовского дома. В том же году начались работы по его перестройке. Земляные работы, связанные с частичной перепланировкой и дополнениями, отмечены в июле следующего 1860 года. Дом только перестраивался, хотя и получил кардинальные изменения по планировке, новое достойное оформление, которые позволили отметить работу автора, как значительную архитектурную работу. Сам дом не передвигался, но соединительные переходы именно к тому времени могли быть (и скорее всего, были) разобраны. Вот в чём, на наш взгляд, могли заключаться наиболее принципиальные изменения на данном этапе. Вполне естественно, что начавшееся переустройство главного центрального комплекса в ансамбле усадьбы, затрагивало и храм. На уровне ремонта, что отмечено в документах, например, за 1864 год: «ремонт большого дома, церкви и птичника»³³ (всего 600 руб. на все три здания, деньги для строительства небольшие). Очевидно, что это не были работы значительного характера. Как и прежде, они велись хозяйственным способом, экономно, по мере возможностей. В период 1865–1882 гг. по ведомости за этот период работы на церкви не велись вообще.³⁴ Следует полагать, что храм был полностью завершён, отремонтирован и находился в удовлетворительном состоянии.

Только на вторую пол. 1880-х гг. имеются архивные сведения о ремонтах вошьшовской каменной церкви. К сожалению, в основном, это общий перечень затрат на произведённые работы, расходы материалов по разным объектам усадьбы. А. Г. Борис про-

анализировала эти сообщения на предмет ремонтов церковного здания. Общий вывод: речь идёт о текущих ремонтах кровли, побелке и покраске. 1885 г.: *«Граф разрешил нашу церковь окрасить и графиня Мария Александровна просит найти мастера (живописца), которому эту работу можно поручить. Восемь лет тому назад работал здесь Петербургский живописец и Главная контора будто его наняла и рассчитала, неизвестно... по какой цифре. Графиня спрашивала, что эта работа будет стоить. Не лучше ли мастера послать, чтобы он осмотрел работу... Грубая работа в церкви вся окончена...». «...Живописец Абрам Кононов церковную работу в селе Воышово окончил...».* В 1885–86 гг. *«на поддержание церкви, школы, дома, сада...»* и других объектов, а также на охоту было выделено всего 10 747 руб. (вместо 35555 запланированных).³⁵ За 1885–87 гг. отмечено также, что *«сверх сметы уплачено за разные работы по нижеследующим статьям: в господском доме, в доме Марии Александровны, в церкви и школе...2878 рублей...»*.³⁶ Согласно приложенному «Отчёту каменного материала» для церкви было выделено на 15 рублей мела, что позволяет предполагать косметический ремонт фасадов. По другому документу также речь идёт о косметике: с 1 апреля 1887 по 1 января 1888 гг. расходы по ремонту включали *«окраску церкви и больницы»*, за материал уплачено 207 рублей, а за работу 321 рубль — итого 528 рублей.³⁷ На это время по отчёту каменного материала на церковь 1 пуд мела.³⁸ Помимо отделочных работ, производился ремонт кровли: выделено 6 фунтов *«железного материала»*. Наконец, в 1888 г. на *«ремонт, окраску крыши церкви и больницы»* израсходовано 220 рублей (на общую площадь 276 квадратных саженей).³⁹ Очевидно, по результатам ремонта составлена смета на *оштукатурку* снаружи Воышовской церкви:

*«Извести негашёной — 40 четвертей,
Алебастру — 50 пуд.,
Мастеру за работу —
Итого: 179 руб. 25 коп.*

Дать мастеру для помощи и с тем вместе для ученья двух молодых крестьян». «Маляру Конону в счёт платы за работу в церкви — 286 р.». Таким образом, в течение

длительного периода после перехода усадьбы к семейству Строгановых, Спасская церковь только поддерживалась ремонтами (если не считать предполагаемой гипотетически окончательной разборки переходов между церковью и домом, если они ещё существовали на это время).

Строгановы. Последний ремонт Спасского храма. Конец XIX — нач. XX вв. Архитектурный ансамбль воышовского храма, сложившийся в I половине XIX столетия, принципиально уже не менялся. Если не считать прямоугольную в плане алтарную пристройку. А. Г. Борис датирует её предположительно рубежом XIX–XX вв.⁴⁰, когда Графский дом перестраивался в камне. Одно из оснований — схема генплана парадного двора, на которой церковное здание изображено условно и алтарный прямоугольник не показан.⁴¹ Однако сама автор замечает, что изображение настолько условно, что не может быть абсолютным основанием для датировки. Таким образом, вопрос всё же остаётся открытым, поскольку возможным временем строительства существующего прямоугольного алтарного объёма мог также быть начальный этап предыдущего периода (ок. 1860 г.), также связанный с реконструкцией Графского дома по проекту М. А. Макарова. Т. е. этап, на котором церковь окончательно превратилась в самостоятельное, отдельно стоящее архитектурное сооружение, требующее в связи с этим определённых исправлений. И основание, и строительство, и перестройки церкви следовали за перестройками господского дома. Уточнение датировки алтарного объёма по архивным источникам пока не определяется. Как отмечает А. Г. Борис, окончательная датировка пристройки, которая завершила формирование памятника в существующем виде, возможна только после проведения полного комплекса исследований, который проводится в настоящее время. На последний строгановский период облик храма в завершённом виде известен по фотографиям В. Г. Проскуракова, фельдшера и фотолетописца усадьбы. Вид с алтарной стороны изображает прямоугольную алтарную пристройку, дошедшую до нас без изменений. Форма крупных окон, надоконные сандрики лучковой формы также не

могут быть уверенно датирующим материалом. Они могут относиться как к 1860-м гг., так и к рубежу XIX–XX вв., причём следует отметить, что от архитектурных элементов и декора каменного главного дома они значительно отличаются.

В. Г. Проскурякову принадлежит также фотография внутреннего вида Спасского храма с видом на алтарь. Это единственное изображение интерьера с надалтарной аркой, бронзовым сборным паникадиллом, аналоем и шандалом, а также с полукрытым алтарем. На фотографии изображение алтарной преграды. Она двухъярусная с верхним дополнительным ярусом завершения. В царских вратах, которые украшены сложным растительным орнаментом не четыре, а шесть иконных вставок. Разобрать кто на них изображён затруднительно. Иконостас выкрашен в белую краску, украшения и декор явно позолочены.

Охрана объекта культурного наследия. После революции, в 1918 г. усадьба была национализирована, на её базе был организован сельскохозяйственный техникум. Храм Святого Спаса для богослужений был закрыт. Начался длительный период его ветшания и разрушения. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. Церковь Святого Спаса поставлена в составе архитектурного и паркового ансамбля усадьбы Строгановых Вольшово на государственную охрану. Научный паспорт разработан архитектором Псковской ПСНРПМ Б. С. Скобельцыным, под руководством которого в 1961–64 гг. на памятнике производились противоаварийные работы. Были выпрямлены и установлены пьедесталы колонн северного портика, заменён его сгнивший архитрав, выполнен

косметический ремонт. 31 марта 1992 г. инженерами Петровой В. Е., Хабибуллиной Н.З. составлен научный Паспорт на памятник истории и культуры СССР (истории, архитектуры) «Усадьба Васильчиковых-Строгановых. Парк», в котором приводится выборочный список объектов усадебного комплекса, включая Спасский храм. Храм, как один из главных объектов в 1990 г. указан на схеме усадебного комплекса, выполненной Северо-западным лесоустроительным предприятием В/О «Леспроект» по результатам обследования усадьбы, связанного с вывалом парковых насаждений в результате смерча 1987 года, (24 объекта). Показан он и в Проекте зон охраны (Аннотированный список памятников) Института «Спецпроектреставрация» 1991 г. Храм в 1990-е гг. был внесён в число первоочередных объектов реставрации, но проектные работы были приостановлены в связи с прекращением финансирования. В 2004 г. Территориальное управление «Росимущество» произвело инвентаризацию объекта культурного наследия федерального значения и поставило на учёт 14 объектов усадебного комплекса. Храм выделен автором настоящей экспертизы в специальном экспертном заключении по уточнению по объектного состава объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Васильчиковых-Строгановых Вольшово», как один из наиболее ценных объектов центрального ядра усадебного комплекса.⁴²

В начале 2000-х гг. в Вольшово образовалась община верующих и в 2014 г. принято решение о возрождении Спасской церкви — проводятся научные исследования, разрабатывается проект его реставрации и нового приспособления по первоначальному назначению.

Примечания

- ¹ Памятник архитектуры начала XIX в. бывшая Спасская церковь / Институт «Спецпроектреставрация», М., 1991 г. Рукопись // Фонд Гендирекции «Псковреконструкция» в архиве НПЦ по охране памятников.
- ² Чаше всего, переписка хозяина усадьбы с управляющими в форме конкретных вопросов и указаний. К сожалению, в фондах почти нет архитектурных материалов.
- ³ РГАДА. Ф. Ф. Васильчиковых и Строгановых, ГАПО. Автор начал работу с указанными фондами в конце 1960-х–70-х гг. и опирается на очерк по архитектуре вольтовской усадьбы, в котором попытался обобщить результаты всех исследований и собственных архивных разысканий и многолетних наблюдений (в рукописи) и другие работы, связанные с историей и архитектурой Вольтова.
- ⁴ ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 961; дд. 962, 963. Клировые ведомости.
- ⁵ ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 930. 1800 г.
- ⁶ ГАПО. Ф. 203. оп. 4. д. 10 (Имена Порховского уезда. Информационный справочник / Авт.-сост. Л. В. Васильева. Псков, 2008. С. 33); ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 67. л. 53; Ф. 203. оп. 3. д. 1, 2 (А. Г. Борис. Записки).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Борис А. Г. указ. соч. Выписка — ГАПО. ф. 203. оп. 3. д. 1. 1816 г.
- ⁹ ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 964. 1821 г. Как уже говорилось, в предыдущие годы храм назван деревянным.
- ¹⁰ ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 1021.
- ¹¹ А не до 1850-х гг., как считала А. Г. Борис.
- ¹² Емелина О. В. Главный дом. Историческая записка, 1985 // Архив Псковского филиала института «Спецпроектреставрация».
- ¹³ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 49. Л. 30.
- ¹⁴ Проект из Альбома для сельских застройщиков очень близок по композиции вольтовскому храму. А. Рудольский. Домостроение с планами, фасадами...». М., 1848 г.
- ¹⁵ Близок к храму Спаса мавзолей С. П. Румянцева в подмосковной усадьбе Троицкое-Кайнарджи. — Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975.
- ¹⁶ Борис А. Г. С. 10.
- ¹⁷ Там же. д. 41.
- ¹⁸ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 27.
- ¹⁹ Если мне не изменяет память, в 1960–70-е гг. такое тротуарное мощение в районе храма еще сохранялось. Тротуар из крупных широких прямоугольных плит проходил параллельно липовой аллее, между нею и храмом.
- ²⁰ Борис А. Г. С. 12.
- ²¹ РГАДА. ф. 1260. д. 67, 86.
- ²² Борис А. Г. относит росписи к началу XIX века, осторожнее — «до 1844 г.». По нашему мнению, они могут относиться и к самому начальному этапу данного строительного периода. Датировка первой трети XIX в. это допускает.
- ²³ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 67. Выписка А. Г. Борис.
- ²⁴ Там же. д. 67.
- ²⁵ Борис А. Г. С. 12.
- ²⁶ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 86.
- ²⁷ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 261.
- ²⁸ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. дд. 67, 86 (А. Г. Борис).
- ²⁹ Там же. д. 268.
- ³⁰ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 153. Л. 48; д. 208. Л. 17; д. 252. Л. 47. О. В. Емелина, 1985 — 22.3.1–24. Л. 10.
- ³¹ ГАПО. ф. 39. оп. 1. д. 1013.
- ³² Борисова Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 304; РГИА. ф. 758. оп. 7; ф. 276, оп. 14, д. 33-М.
- ³³ РГАДА. ф. 1260. оп. 2. д. 292.
- ³⁴ РГАДА. ф. 1278. оп. 14. д. 675.

³⁵ Там же. д. 2710.

³⁶ Там же. д. 2711.

³⁷ Там же. д. 2713.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. дд. 2713, 2717.

⁴⁰ Борис А. Г. Историческая записка. Б. Спасская церковь. М., 1991. Л. 15.

⁴¹ РГАДА. ф. 1278. оп. 2. д. 2697.

⁴² Работа выполнена по заказу Комитета Псковской области по культуре в 2013 г. для представления уточнённого пообъектного состава в Министерство культуры РФ для внесения изменений в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.